

ПРОЗРАЧНОСТЬ (транспарентность, от англ. transparency - прозрачность) - одно из основных понятий современной теории информационного общества (Р. Барбрук, Э. Камерон, Д. Брин, Д. Лайон, М. Постер), постмодернистской социальной теории (Ж. Бодрийар - см., П. Вирильо - см.) и социологии надзора (Р. Вайтекер), характеризующее влияние информации (см.) и медиа на механизмы социальной организации (см.). П. означает возможность исчерпывающего представления общественных структур и индивидов (см.) в общем поле информации/сведений о каждой из них, будь то семья, политические институты, образование или бизнес. Исторически непрозрачность доинформационных обществ трактуется как отсутствие фокусированного и систематического сбора и обработки информации (баз данных, высокоскоростных средств передачи данных и т.д.). Нередко стремление информационных обществ к П. интерпретируется как отражение страха перед хаосом, нестабильностью, скрытым, неизвестным, непонятым.

В операциональном аспекте П. прежде всего предполагает доступность, скорость и высокую степень структурированности информации, удобство ее преобразования в различные, легко читаемые форматы, и наличие постоянной обратной связи. Последнее как некий императив взаимодействия добавляет к пониманию прозрачности принцип интерактивности (см. Интерактивность). П., таким образом, базируется не просто на наличии обстоятельной информации, но и на интерактивном участии, вовлечении людей в активные информационные обмены, чтобы постоянно поддерживать и пополнять "базы данных".

С одной стороны, идея П. безусловно отсылает к либеральной установке на свободный доступ к информации и характеризует новую степень индивидуальной свободы в использовании информации (Р. Барбрук, Э. Камерон). Такая трактовка П. очень близка по сути пониманию открытости и открытого общества (Д. Брин). Например, А. Шапиро настаивает на том, что информационная П., которую создает сеть

Интернет есть достижение "революции контроля", которая невероятно быстро сделала дискурсивные практики общения "многих-со-многими" (many-to-many-interactivity) и универсальный доступ в глобальную сеть естественной (привычной, незамечаемой) частью повседневной жизни. Гигантская функциональная мощь и П. информации в мировой паутине позволяет увеличить индивидуальную степень свободы и спектр индивидуального выбора. Такая персонализация имеет следствием возможность обходить многие препятствия и уклоняться от внешнего контроля, одновременно наращивая неопределенность, дезорганизацию и конфликтность ценностей.

С другой стороны, П. открывает беспрецедентные возможности для осуществления тотального надзора и тотализации власти. И именно в аспекте обратной связи, интерактивности и вовлечения П. обнаруживает непростую проблематику трансформации представлений о приватном (частной жизни) и возможности острого

конфликта между приватным и прозрачным. Кроме того, здесь же возникает проблема надзора, поскольку П. может быть несимметричной, односторонней. Тогда П. становится ключевой характеристикой нового типа электронной паноптической власти [см. "Надзирать и наказывать" (Фуко)], что, несомненно, представлено такими социальными феноменами, как системы наблюдения в публичных местах (камеры слежения), универсальные системы идентификации (ИНН, номер социального страхования, банковские карты), системы наблюдения и идентификации на рабочем месте (тайминг, камеры внутреннего наблюдения, мониторинг операций), коммерческие базы данных (от примитивных коллекций адресов до подборок практически по любому признаку, включая здоровье; еще в 1990 Lotus Co. выпустила коммерческий CDR с базой данных на 120 миллионов американцев), системы спутникового слежения.

Анализируя эти явления с точки зрения социологии надзора, Д. Лайон убедительно демонстрирует, что электронные средства коммуникации за счет создания эффекта П. усиливают возможности социального конструирования надзора в различных сферах: национальная безопасность, полиция, производство и потребление (Лайон использует здесь несколько ироничную модель личности: "тело, душа и кредитная карта"). Наша жизнь собирается, хранится, обрабатывается в базах данных корпораций и министерств, которые следуют принципу П. как стратегической установке, обеспечивающей социальную управляемость и эффективность. Общество надзора - открытие отнюдь не сегодняшнего дня, а развитие очень давних исторических тенденций. Однако для современного общества П. есть требование немедленной идентификации как необходимой предпосылки для того, чтобы действовать. Критически анализируя возможности "электронного паноптикума", Лайон считает, что самый принципиальный вопрос состоит в том, насколько присуща П. и паноптическая власть всем социальным сферам. С его точки зрения, в современном фрагментированном обществе не может быть абсолютной П. и оперирующего ею тотального надзора.

Рабочее место, школа и прочие институты не являются клетками тюрьмы (в этом пункте Д. Лайон видит недостатки концепции надзора Фуко - см.). Он признает, что проблема надзора с развитием информационных технологий и приносимых ими изменений становится постмодерной, и вслед за Ж. Бодрийаром (см.) и З. Бауманом (см.) считает, что П. как соблазн/совращение интегрирована в паноптический механизм. Однако Лайон стремится предостеречь от "постмодерной паранойи" - стремления видеть в новейших формах П. тотальный/фатальный механизм контроля и подавления - считая, что П. и надзор многолики и способны выполнять позитивные социальные функции, способны обернуться заботой и защитой.

В теории симулякров (см.) Ж. Бодрийара среда П. формируется как базовая характеристика гиперреальности (см.), где эффект П. достигается за счет того, что все становится сверхвидимым, приобретает избыток реальности в сверхмикродетализации и серийной репродукции. П. совращает, создавая ощущение непристойной близости. Формула П. как непристойности: "Все, что сокрыто, что еще наслаждается запретом, будет откопано, извлечено на свет, предано огласке и очевидности". Другим аспектом П.

является имплозия - взаимное смешение и взаимопроникновение структур, категорий и ценностей. Таким образом, П. оказывается характеристикой социальной деконструкции.

Следуя за Бодрийаром, который интерпретирует П. как непристойность и гиперрепрезентацию абсолютных всех, даже мельчайших, но все еще сокрытых деталей, А. Крокер и М. Вайнстайн видят в П. репрессивный механизм исключения того, что сопротивляется быть прозрачным. В духе постмодернизма и критической теории они проделывают детальный анализ П. в аспекте механизмов электронной нормализации и контроля. Универсальность П. в интересах виртуального надзора основана: а) на властных амбициях "виртуального класса" владельцев компьютерной, медиа- и телекоммуникационных индустрий; б) на их стремлении стимулировать рост индивидуализма в использовании информации; в) на построении универсальной интерактивной среды; г) функциональном контроле при помощи экспертных программ. П. с точки зрения амбиций виртуальной элиты преподносится как идеологический образ индивидуалистической эмансипации, однако в действительности П. означает электронную нормализацию тел, которые приравниваются к бестелесным потокам данных.

Столь же радикально ставит проблему П. и контроля Р. Вайтекер, утверждая, что П. означает конец приватного - тотальный контроль становится реальностью. На примерах использования телекоммуникационных, компьютерных и биотехнологий он пытается показать, что П. и тотальный контроль становятся все более возможными и осуществимыми, причем уже не на уровне микрофизики власти

(Фуко), а на уровне микробиологии, на уровне технологической коррекции генетического кода ДНК. Рассматривая эту тенденцию в духе Оруэлла (см.), Вайтекер утверждает, что П. содержит угрозу полной редукции частной сферы и превращения всего социального пространства в территорию тотального электронного надзора, гиперконтроля, тотальной управляемости и предопределенности. В политическом контексте идея П. находит все больше сторонников среди правящих элит западных обществ как принцип построения электронного правительства (e-governance). Первые десятилетия 21 в. обещают довольно быстрый прогресс в этой сфере.

Д.В. Галкин